

A photograph of a woman's bare back against a black background. On her head, she wears a large, vibrant bouquet of various flowers, including pink, white, yellow, and purple blooms. A single yellow flower is pinned to her left shoulder. A white, rounded rectangular banner is overlaid on the lower half of the image, containing text in a cursive font.

Цветы
для первого свидания

Министерство Любви

Светлана Асина

Светлана Демидова
Цветы для первого свидания

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164467

Милое коварство: Эксмо; М.; 2007

ISBN 978-5-699-21721-2

Светлана Демидова

Цветы для первого свидания

—Опя-а-ать!!! – гневно выкрикнула Алена и запустила в стену кухни пакетом с батоном-нарезкой. – Паразитка!!! Ну, погоди, Зинка!!! Ты еще пожалеешь...

Последние слова разъяренная молодая женщина выкрикивала уже на лестничной площадке. Она резвокрылой птицей взлетела на верхний этаж и принялась названивать в квартиру, которая находилась прямехонько над ее собственной. Через пару минут дверь распахнулась, и перед Аленой оказался незнакомый мужчина в синих, чрезмерно блестящих трениках, что сразу и бесповоротно выдавало их рыночное происхождение, и в черной майке, тоже наверняка паленой.

– Где Зинка?!! – гаркнула Алена, не дожидаясь ответа, отодвинула Черную Майку в сторону, внеслась в квартиру и оторопело остановилась на пороге комнаты. Зинкина комната совершенно не походила на Зинкину комнату. Если бы квартира Короедовой не находилась на последнем этаже, Алена даже решила бы, что, ослепленная гневом, нечаянно поднялась этажом выше.

Она обернулась к Черной Майке и, совершенно неизвест-

но зачем, все-таки спросила:

– Это... разве... не сто пятьдесят шестая квартира?

– Сто пятьдесят шестая... – растерянно заверил ее Черная Майка.

– Да?! – удивилась Алена, еще раз внимательно оглядела пустые секции незнакомой мебельной «стенки», без всякой системы наваленные на полу объемные тюки с вещами и спросила, хотя уже понимала, что подлюга Зинка среди этих тюков обнаружена не будет. – А где Зинаида Михайловна? Ну... которая... Короедова...

– Зинаида Михайловна... она, знаете ли, переехала... Мы с ней обменялись квартирами...

– Обменялись квартирами, – повторила Алена. – Ага... Зинки, значит, нет...

– Нет! – Черная Майка очень обрадовался, что незнакомка наконец все правильно поняла и немедленно же уберется туда, откуда так лихо принеслась.

Но Алена так просто сдаваться не собиралась. Что же это получается? Получается, что вместо Зинки теперь этот паразит в майке будет заливать ей кухню! Щас! Она будет ремонтировать, а они с Зинкой – заливать? Алена обрадовалась, что испарившаяся было злость накатила на нее новой волной, причем гораздо круче первой, и рявкнула громче прежнего:

– Если вы думаете, что сможете безнаказанно заливать мне кухню, то здорово ошибаетесь!!!

– Я не заливал! – Черная Майка даже приложил к груди руки, чтобы его слова звучали убедительнее, но убедить ворвавшуюся в его квартиру фурию было невозможно.

– А кто?! Зинка, сами говорите, переехала. Значит, вы! – И Алена выбросила в его сторону указательный палец правой руки, как красногвардеец с известного плаката «Ты записался добровольцем?».

Черная Майка тут же добровольно вызвался сходить на собственную кухню и проверить, не забыл ли он ненароком закрыть кран. Алена пошла за ним след в след.

Кран на кухне был закрыт, но на полу под раковиной поблескивала большая лужа.

– Ага!!! – радостно вскричала Алена. – Лужа!! А говорите, что не заливали!

Черная Майка, бросив на нее быстрый и неприязненный взгляд, присел на корточки и потрогал рукой черное изгибающееся колено водяного слива. Рука оказалась мокрой.

– Мокрая!!! – опять обрадовалась Алена.

Мужчина выпрямился, потирая в раздумье подбородок, а потом проронил в пространство:

– И ведь не сказала мне, что тут все гнилое...

Алена сатанински расхохоталась и наставительно заметила:

– Так проверять надо было! Это ж Зинка! У нее ж и унитаз ни к черту!

– Что?! Тоже течет?!

– А то!!!

Черная Майка бросился в туалет. Алена решила переждать в кухне. Все-таки в туалете тесновато. Через положенное время она с большим удовлетворением услышала, как изысканно бранится ее новый сосед. Она прошла в коридор, потом решительно сунула голову в тесное помещение и сурово спросила:

– Ну что? Ремонт будете делать или как?!

– А, собственно, почему я должен делать ремонт?! – возмутился наконец Черная Майка. – Я же не знал, что тут все разваливается!

– А вы мужчина или кто?! – еще более возмущенно спросила Алена.

– В каком смысле?! – встрепнулся новый сосед.

– В том самом! Разве настоящий мужчина мог бы не глядя выменять себе текущий унитаз?!

– А... а это не ваше дело! У меня других забот был полон рот!

– Да все заботы в конце концов сами себя исчерпают, а унитаз будет нужен всегда! – философски изрекла Алена. Она сказала чистую правду, но Черной Майке эта правда почему-то очень сильно не понравилась, отчего у него весьма некрасиво побелел кончик носа.

– Слушайте! А не пошли бы вы... со своим унитазом! – крикнул он.

– Вот еще новости! – рассердилась Алена. – С моим! Да

если бы унитаз был мой, я бы ни за что не допустила, чтобы он тек на соседей! А вы допускаете!

– Я не допускаю! Я тут всего второй день живу! Я не знал!

– Незнание не освобождает от обязанности ремонтировать мне кухню!

– Какого черта ее ремонтировать?! – Сосед так оглушительно рывкнул, что Алена едва не присела от неожиданности, но тут же взяла себя в руки.

– Такого! Я ее месяц назад покрасила самой дорогой эмульсионкой в три слоя, а вы мне ее снова всю изгадили!

– Неужели вы не понимаете, что сначала надо менять сантехнику, трубы... а потом уж и ремонтировать!

– Так меняйте! – согласилась Алена.

– Нет...

– Как это... То есть... Вы хотите сказать... – задохнулась от возмущения Алена.

– Да нет же! Я не про то... И вообще! Прекратите орать! В ушах уже звенит...

Черная Майка вышел из туалета, тщательно прикрыл за собой дверь, прислонился к ней спиной и сказал:

– В общем, так! Денег на новую сантехнику у меня сейчас нет, но... – Он резким жестом остановил Алену, которая собиралась очередной раз возмутиться. – Но я постараюсь не причинять вам неудобств. Таз под раковину подставлю или... еще что-нибудь придумаю...

– А в туалете? Там никакой таз не поможет!

– Я же сказал: что-нибудь придумаю, но не сию же мину-
ту!

– А я, значит, живи среди грязных потеков на потолке,
пока вы думать будете, да? – взвилась она.

– Ну... потерпите, пожалуйста. – Черная Майка сменил
тон на просящий. – Согласитесь, что действительно бессмыс-
ленно белить потолок, пока текущие трубы будут на своем
месте.

Алене очень не хотелось с этим соглашаться, но при-
шлось. Против логики не попрешь. Какого черта белить,
если эти паршивые трубы будут продолжать себе течь... И
без того она уже здорово потратилась на эмульсионку в три
слоя...

Вернувшись в свою квартиру, Алена с отвращением огля-
дела мокрый потолок над раковиной, потом подняла с пола
батон, вытащила из целлофана горбушку и сунула себе в рот.
Ну Зинка и стерва! Даже не сказала, что переезжает! Спе-
циально! Во-первых, чтобы не заморачиваться с Лениным
туалетом. Кухню-то Алена сама себе побелила. Не ждать же
эту змеищу! А вот туалет гражданка Короедова обещала по-
красить: и потолок во встроенном шкафчике, где, собственно,
и течет, и дверцы этого самого шкафчика. Вот тебе и
покрасила! Во-вторых, буквально на прошлой неделе Зинка
брала в долг двести рублей. Жди теперь – не дожدهшься!
Вот ведь не хотела Алена давать, как в воду глядела! В-тре-

тых, теперь сверху будет жить жалкая Черная Майка. Что в этом хорошего?! С Зинкой хоть иногда можно было посидеть на кухне, покурить, поболтать о том о сем... словом, о женском... А с этим что? Здрате – до свидания... Когда трубы поменяете... Когда-когда... Да никогда...

Примерно через месяц Алена перестала замечать грязные разводы на потолке. Привыкла, что они всегда на месте. Они перестали ее раздражать. Иногда она даже развлекалась тем, что придумывала, с чем еще можно сравнить эти пятна. Иногда ей казалось, что самое большое пятно напоминает осьминога с четырьмя глазами, иногда ей в нем виделся мужчина с бородой и усами. А еще, разглядывая свои пятна, Алена каждый раз добром вспоминала Зинку. Перебранка с ней была не только постоянной составляющей Алениной жизни, но и, как она теперь отчетливо понимала, довольно приятным времяпрепровождением. Вечная грызня с ней держала Алenu в тонусе. Каждый раз, возвращаясь домой, она первым делом мчалась в кухню, бросала взгляд на потолок, и если на его поверхности наблюдались хоть какие-то изменения, Алена бежала к Зинке и ругалась с ней, испытывая при этом чувство, близкое к настоящему сладострастию. С Черной Майкой даже спорить скучно. Давит своей логикой. А трубы, похоже, как и Зинка, менять не собирается.

В тот памятный день, возвращаясь с работы, Алена зашла

в магазин за продуктами. Она лениво бродила между ломящимися от товаров прилавками и никак не могла выбрать. Черт! Ну... ничего не хочется... Глаза бы не смотрели... Она положила в корзинку дежурный батон-нарезку, пластиковый контейнер с зерненым творогом и банку растворимого кофе. Потом подумала немного и заменила творог варениками. Хоть какое-то горячее...

Выложив на тарелку горку вареников, Алена решила поужинать на балконе. Он был лучшим местом ее квартиры. Она им гордилась. Она выращивала там цветы. И не абы какие настурции или анютины глазки. Кому они интересны, когда на каждом балконе растут? Алена выписывала журнал «Дивный сад» и высаживала цветы в соответствии с модными тенденциями и советами опытных садоводов. Все соседи по дому завидовали красоте ее балконного сада и регулярно просили то семена, то рассаду. Алена не жалела. Давала всем по первой же просьбе, но ни у кого цветы не росли лучше, чем у нее. Сейчас в стильных пластиковых ящиках по периметру балкона уже буйно цвели низкорослые летники разных сортов. Алена всегда без запинки произносила их названия: лобелия эринус, лобулярия морская, сутера сердцевидная и колокольчик Пожарского. Она умудрялась весной проращивать на подоконнике клубни роскошных георгинов, и они росли у нее на балконе почти все лето. Нынешний июнь оказался неожиданно жарким, и в нарядных ярких ведрах, расставленных по углам балкона, у Алены уже всюю

цветели сорта Bristol Stripe, White Perfection и даже Bumble Runble. Венчики Bristol Stripe с пестрыми бело-фиолетовыми лепестками были размером с суповые тарелки, а у White Perfection – походили на гигантские кремово-белые шары. Не все даже сразу догадывались, что это георгины. Особенно Алена гордилась сортом Bumble Runble, цветки которого были похожи на изящные розово-белые брошки с оранжево-желтой сердцевинкой. Если бы кто-то пришел к ней на первое свидание с букетом таких цветов, она непременно влюбилась бы в этого мужчину. Эх, к чему эти пустые мечты...

Алена запихнула в рот половину истекающего горячим творогом вареника, вышла в свой сад и охнула, обессиленно прислонившись к косяку дверей. Обильно насметанные вареники один за другим соскользнули с тарелки на ее новые шлепанцы. Но ей было не до вареников и не до шлепанцев. На центральном ящике ее сада, прямо на белых ромашках сутеры сердцевидной, отвратительно распластавшись, лежали мокрые черные джинсы. Одна штанина, вывернутая особенно гадко, пригнула к полу и несколько цветков Bristol Stripe. Один бело-фиолетовый венчик был сломан, два других еле виднелись из-под мокрой черной ткани. Вот тебе и свидание...

Бросив на пол ненужную в данной ситуации тарелку и не услышав ее прощального (перед тем, как расколоться на две неравные части) звона, Алена бросилась к георгинам, которые еще надеялась спасти. Ее правая нога наступила пря-

миком на один из упавших вареников, и молодая женщина, неловко завалившись на бок на собственном балконе, оборвала пышную головку White Perfection, непостижимым образом зацепив лепестки огромного пушистого шара браслетом от часов.

– Черт! Черт!! Черт!!! – протолкнула сквозь зубы она, потирая ушибленный локоть и наливаясь нечеловеческой злобой, которая, похоже, будет получше непристойного сладострастия, с каким она бранивалась с Зинкой.

Продолжая чертыхаться и охать, Алена поднялась на ноги и двумя пальцами попыталась стащить с безвременно погибших цветов чужие джинсы. Почти не выжатые, они оказались очень тяжелыми, и Алене, которая при этом брезгливо скривилась, пришлось убирать их из ящика двумя руками. Ей на ноги и на оставшуюся в живых сутеру сердцевидную полилась теплая, черная и, похоже, еще и мыльная вода.

– Ну... почему-у-у... именно на мои цветы... – простонала она, меряя шагами балкон и не соображая, куда ей деть джинсы. Не нести же их этому... в черной майке... этому паразиту... этому... негодяю... этому мерзавцу...

– Простите... я, кажется... уронил вниз... то есть к вам, свои джинсы... – раздался сверху извиняющийся голос «этого мерзавца».

Алена изо всех сил вывернула шею, чтобы лучше видеть соседа, которого она с большим удовольствием придушила бы его же мокрыми джинсами.

– И вовсе не «кажется»!!! – злобно передразнила его она. – Вы своими гнусными штанами погубили мои лучшие... сортовые цветы!!!

– Простите! Я не нарочно! Я, знаете ли, выстирал джинсы, хотел повесить на веревку, а тут телефон зазвонил... Я их положил на перила... ну... временно... а они упали... извините...

– Да какой мне прок от ваших извинений! – возмутилась Алена. – Цветам-то что от вашего идиотского «извините»?!

– Ну... я не знаю... Вы напишите мне названия цветов... которые... ну... погибли... я куплю вам точно такие же...

– Ага! Купите, как же! Держите карман шире! Мне по почте клубни прислали! Великие цветоводы, между прочим! Про них даже в журнале печатают! «Дивный сад» называется! А он, видите ли, купит! Да кто вам продаст!!!

– Ну... я тогда могу заплатить... – предложил сосед сверху. – А вы новые купите...

– Да пошли вы!!! – окончательно разъярилась Алена. Разве этот кретин в состоянии понять, что новые георгины таких сортов в это лето уже не вырастишь! Да и вообще, теперь весь тщательно продуманный балконный дизайн надо менять. А уже, между прочим, середина июня. Не весна, погоди.

Скатав джинсы в гадкий, текущий ком, Алена попыталась забросить его на верхний балкон, как мяч в баскетбольную корзину. Тяжелый мяч из мокрых штанов не долетел до корзины, то есть до соседского балкона. Джинсы, несколько рас-

прямившись и даже приветственно взмахнув штаниной, тяжело упали вниз, угодив точно в открытый люк, возле которого суетились здорово упревшие на неожиданно жарком июньском солнце, а потому отчаянно злые работяги.

– Э-э-э-э!!! Какого хрена! – моментально раздалось снизу, после чего прозвучало еще несколько ярких, непередаваемых на другие языки выражений.

– Вы это сделали специально?! – прокричал Алене сосед сверху. – В отместку! Назло! Надо же понимать разницу: где какие-то цветы, которые запросто заново вырастут, а где дорогие джинсы! Почти новые...

Алене, которая вовсе не метила специально в люк, а просто промахнулась, очень не понравилось выражение «какие-то цветы», и она выпалила:

– Да!!! Специально!!! В отместку!!! В назидание, так сказать!!! А то дай вам волю, так вы постоянно будете закидывать меня мокрыми штанами точно так же, как... как заливаете кухню!!!

– Я не заливаю! У меня под раковиной таз стоит!

– Да плевала я на ваш таз!!!

– Ну-у-у... знаете ли... – задохнулся от возмущения сосед, – а мне тогда... начихать десять раз на ваши цветы!!! – После этого выплеска эмоций он с риском для жизни свесился со своего балкона и крикнул вниз работягам: – Э-эй! Мужики! А достать-то можно?!

– Ага! Щас! Прямо так и полезли! – очень вежливо отве-

тили ему снизу. – Они станут бросать всякую дрянь, а мы доставай!

– Ребята! Ну пожалуйста!!! За мной дело не станет!!! Там не дрянь! В люк упали мои лучшие джинсы! Парадные... так сказать...

Работяги дружно заржали:

– Ну, паря, теперь тебе в них только на парад!

– Ага! А на работу ни-ни!

– На карнавал еще тоже будет можно! В Рио-де-Жанейро!

Работяги еще долго упражнялись в остроумии. Алена слушать их не стала. Она даже не стала разглядывать, насколько сильно пострадали цветы, и не убрала с балкона давленные вареники. Она прошла в комнату, уселась на диван, скрестив руки на груди и уперев бессмысленный взгляд в противоположную стену. Ну за что ей достался такой сосед?! За какие грехи?! Зинка тоже была не подарок, но она никогда не швыряла вниз свои вещи. Она, наоборот, всегда восхищалась Алениными цветами и даже «угощала» своих гостей видом на нижний балкон. Алена почувствовала, что испытывает к съехавшей Зинке чувство сродни ностальгии. А к этому... к этому...

Алена не успела подобрать для соседа сверху какое-нибудь особо мерзостное определение, потому что ей пришлось вздрогнуть от резкого звонка в дверь. От неожиданности она излишне резво вскочила, неприятно потянув ногу, потом с силой выдохнула и похромала открывать дверь. Ес-

ли бы Алена хоть немного подумала, то догадалась бы, кого за ней увидит, и открывать не стала бы. Но она не подумала, а потому ей пришлось выслушивать вопли соседа, который уже опять успел нарядиться в печально известную черную майку и глупо блестящие треники.

– Вот посмотрите, на что теперь похожи мои лучшие джинсы! – И Черная Майка ткнул ей в нос зловонным грязным комом. – По вашей, между прочим, милости!

– Еще чего!!! – сразу подхватила Алена в том же истеричном тоне. – Нечего бросать свои гнусные портки на чужие балконы и мять цветы, которые не сажали!!!

– А вам нечего бросать в сточные люки то, за что денег не платили!

– Ах, вы, значит, за деньгами пришли?! – взвыла Алена.

– Да провалитесь вы вместе со своими паршивыми деньгами и не менее паршивыми цветами! – ответил сосед и с силой захлопнул дверь ее квартиры.

Алена, прямо перед глазами которой неожиданно оказалась бежевая дерматиновая обивка, уперлась в нее лбом и самым жалким образом разрыдалась.

– Хочешь, я набью твоему соседу морду? – предложил, выглянув из-за своего компьютера, Стасик Любимов, сотрудник Алены, с которым она уже около двух лет сидела ноздря в ноздю в патентном бюро.

– А смысл? – спросила она.

– А я бессмысленно. Приду, позвоню в дверь. Он откроет, я дам ему в рыло и уйду. Пусть догадывается, за что.

– Ну уж нет. Он должен знать, за что, чтобы больше nepовадно было.

– Могу, конечно, и сказать...

– А что ты скажешь? – обрадовалась Алена и даже хотела записать для него на бумажке от перекидного календаря сортовые названия погубленных цветов.

– Ну... – сразу поскуичнел Стасик. – Лучше все-таки ничего не говорить, а то он свое понесет... А там... слово за слово... Можно такое побоище устроить...

– Сдрейфил уже, да? – усмехнулась Алена.

– А он вообще как... ну... в смысле... мышцы? – совершенно не обиделся Стасик. – Качок?

– Да какой там качок... – Алена вспомнила, что когда говорила с соседом, то его глаза всегда находились почти на уровне ее собственных глаз. – Так... мелкий... Недомерок какой-то... Мозгляк, в общем...

– Недомерка мы, конечно, запросто уроем, но, сестрица Аленушка... – Любимов подъехал вплотную к сотруднице на своем стуле с колесиками, – хотелось бы знать, какова будет... плата за услугу?

– Чего-чего?! – сморщилась она.

– Нынче, милая моя, всюду сплошной бартер... ты же в курсе... Я... – он выразительно ткнул себя в грудь кулаком, – пересчитываю зубы твоего недомерка, а ты... В общем, я не

прочь бы кое-что повторить... Как ты на это смотришь?

– А ну пошел вон! – Алена изо всех сил отпихнула от себя стул Стасика, и он отъехал на нем к собственному компьютеру.

– Сильна ты, мать, однако... А потому, пожалуй, сама сможешь придушить своего соседа одной левой, – проговорил Стасик и с обиженным лицом уткнулся в компьютер.

Алена, сжав зубы, тоже уставилась на экран монитора. Изображение расплывалось. Ей хотелось плакать, потому что было очень жаль цветы, а заодно и себя. Какой-то поганенький недомерок будет ломать ей налаженную жизнь, а какой-то Стасик Любимов будет тут изображать из себя рокового мужчину! Придурок! Ну, было между ними один раз... кое-что... после юбилея начальника отдела... Так это ж понимать надо, почему! В ресторане все сотрудники были с мужьями и женами. Даже Анна Тимофеевна Посконкина, вдова предпенсионного возраста, притащила с собой какого-то мухортенького мужичка, и только они со Стасиком сидели рядом как два неприкаянных дурака. И, главное, ведь целый ресторан разнообразных мужчин, и никто... никто(!) ни разу не догадался пригласить на танец Алену. Женщины патентного отдела своих мужей держали цепко. Посконкина не выпускала из рук лацканы пиджака своего мужичишки, и Алене пришлось целый вечер танцевать со Стасиком, прижиматься к нему и усиленно делать вид, что у нее тоже все хорошо, а Любимов нравится ей до умопомрачения. Стасик

сдуру и спьяну тоже так подумал, увязался ее провожать... ну... и она позволила ему кое-что и даже больше... потому что не железная ведь... Он потом целый месяц к ней вязался с «продолжением банкета», но Алена больше ни разу не дрогнула, и Любимов в конце концов вынужден был отвалить.

Текст на экране продолжал дрожать, и Алена решила устроить себе технический перерыв, то есть, попросту говоря, банальный перекур. Она вытащила из сумки сигареты и с независимым видом прошла мимо Стасика. Тот даже не повернул в ее сторону «головы кочан». Ну и подумаешь! Кому он нужен, его белобрысый кочан! Любимову скоро, наверно, все сорок, а ни жены, ни любовницы. Один хомяк дома. И тот скоро помрет, потому что старый уже. Конечно, Посконкина последнее время бросает на Стасика жаркие взгляды, но вряд ли всерьез. Все-таки у них серьезная разница в возрасте, которая совершенно не в пользу Анны Тимофеевны.

В курилку надо было идти мимо зеркала, у которого Алена решила задержаться и еще раз внимательно себя разглядеть. Да-а-а, все-таки она чересчур тоща даже в свете новомодных представлений о женской красоте. Грудь, к великому сожалению, почти совсем нет. Зимой она, конечно, носит объемные джемпера, чтобы данный дефект ее фигуры не слишком бросался в глаза, но сейчас, летом... Она специально купила эту голубую футболку с выпуклой вышивкой на груди, но и в ней выглядит слишком плоско и малоаппетитно. Бедра у нее тоже излишне узкие, да и вся она, корот-

ко стриженная Алена Блашкова, больше похожа на молодого человека, чем на тридцатичетырехлетнюю женщину. Может, все-таки отрастить волосы? С длинными волосами она будет выглядеть наверняка более женственно... Хотя... нынче и молодые люди запросто ходят длинноволосыми, с хвостами и косичками. Так что это не выход из положения. А где же тогда выход? А нигде! Похоже, что на нее никто никогда так и не позарится... кроме... Любимова... Может быть, все-таки дать ему зеленый свет? Ну и пусть у него уже залысины... Небольшие же... А лицо ничего, нормальное... И когда он ее после ресторана обнимал, противно ей не было...

Алена бросила последний взгляд на свою неказистую фигуру и зашла в курилку. В маленькой комнатке уже дымили два сотрудника из соседних отделов. Ни один даже не предложил Алене огня, и ни один не поднялся со стула. Она для них не женщина. Она никто. Безгрудый средний род. Курить среди чужих сотрудников ей как-то сразу расхотелось. Алена с силой захлопнула дверь курилки и вернулась в свой отдел. Остановившись у компьютера Любимова, она сказала ему в спину:

– Я согласна.

– На что? – не оборачиваясь, процедил сквозь зубы он.

– На бартер.

– Когда?

– Сегодня в 20.00. Подходит?

– Вполне.

Алена кивнула любимовской спине и принялась за работу.

С верхнего балкона на Аленин тонкой струйкой лилась отвратительная жидкость, по запаху напоминающая растворитель. Впрочем, не только по запаху. Эта гадкая жидкость натуральным образом растворяла яркие брошки Vumble Rumble, а с них стекала уже на нежные венчики голубой лобелии эринус. Прямо на глазах своей хозяйки они съеживались и чернели. Алена взвыла, потрясая кулаками вверх:

– Ур-р-род!!! Подлец!! Негодяй!!

Тоже с риском для жизни перевесившись через перила, она вывернула голову вверх и зычно проревела:

– Эй, вы!!! Как вас там!!! Что вы делаете, мерзавец эдакий!!!

«Эдакий мерзавец» не отозвался. Алена, кусая губы, чтобы опять не разрыдаться в голос, помчалась к нему на этаж. Но сколько бы она ни давила на кнопку звонка, дверь никто так и не открыл. Видимо, сосед еще не пришел с работы. Алена стукнула напоследок кулаком по кнопке звонка так, что та застряла в своем гнезде. И спустилась к себе. Ну ничего... Погоди, любитель растворителей! Вот Стасик придет, он уж врежет тебе в самое рыло! Прямо между наглых бесстыжих глаз! Да-а-а... Врежет! Мало не покажется!!! Стасик... он крепкий... Он может... Он все зубы пересчитает, как обещал... Стасик, он... Черт!!! Его же надо будет покормить...

Пора браться за курицу... И вообще, про свои несчастные цветы и этого... недомерка... лучше на время забыть. У нее сегодня свидание... да... Прежде чем отправлять Любимова разбираться с соседом, они с ним должны заняться любовью... С Любимовым любовью... Тавтология, черт возьми... А и не будет никакой любви и, соответственно, никакой тавтологии! Она его не любит... Безусловно, не любит... Значит, они займутся сексом, что, в общем-то, тоже неплохо. Надо только себя раскочегарить, но... Это потом... Сначала курица и салат из кальмаров!

Когда всю квартиру уже заполнил одуряющий аромат курицы с особыми специями, распарившаяся у плиты Алена юркнула в душ. Она будет благоухать гелем с ночной фиалкой. Конечно, неизвестно, будет ли чем-нибудь благоухать Любимов... Но... если что... можно и ему предложить фиалку. Ничего страшного, что гель женский. Зато не произойдет смешения ароматов... А как быть с бельем? Надевать или нет? С одной стороны, мужчинам, кажется, нравится раздевать женщин, с другой стороны, это так чувственно, когда под тонким халатиком нет белья... Пожалуй, лучше без белья... Конечно, без белья... Вот она только подумала об этом, и ей уже хочется, чтобы рука Любимова поскорее пробежалась по ткани халата, и он догадался бы, что под ним ничего нет... Да где же он, этот Стасик?! Неужели опоздает?!

Словно в ответ на ее призыв, раздался звонок в дверь. Алена улыбнулась своему отражению в зеркале. Выше нос!

Сегодня праздник! Вкусная еда и мужчина, который умеет быть ласковым, когда захочет! Она, как и решила, накинула нарядный халатик на обнаженное тело и побежала к дверям.

Через порог переступил очень торжественный Любимов, расчесанный на пробор и в новой нарядной рубашке с блестками. В одной руке он держал букет бордовых гладиолусов, в другой – прозрачную пластиковую коробку с нарядным тортом. Под мышкой у него была зажата бутылка шампанского. Алена приняла у Стасика букет и торт, а шампанское он сам понес вслед за ней на кухню. Поставив бутылку на стол, Любимов вдруг задвигал ноздрями, как собака, учуявшая дичь.

– Да... – довольно улыбнулась движению любимовских ноздрей Алена. – Ты все правильно понял. Я приготовила свое фирменное блюдо. Ту самую курицу с... впрочем, я не буду говорить с чем... Это мой кулинарный секрет. В общем, тебе понравится!

– Ты думаешь? – с сомнением произнес Стасик.

– То есть? – Вся тонкая фигура Алены изобразила собой вопрос и возмущение. Он еще смеет сомневаться в ее способностях! Да у нее все просят этот рецепт, а она, между прочим, отнюдь не всем его дает!

– Слушай, а ты, случаем, в запарке... не того... не в олифе свою курицу кипятила?

– Чего-чего?

– Да, понимаешь, куриный аромат здорово перешибается запахом какого-то растворителя... Может, пролилось где?

Давай посмотрим!

– А-а-а! – махнула рукой Алена и прикрыла форточку. – Это с балкона! Этот подлец... ну... сосед сверху... все цветы мне опять залил какой-то дрянью... Очень может быть, что и олифой...

– А ну пойдём поглядим! – тут же распорядился Любимов. – Ведь кто-нибудь может на твой балкон еще и горячий пепел уронить! Представляешь, полыхнет! Твой сосед-то курит?!

– Не знаю... Вроде нет... Хотя кто его знает... Я за ним не слежу...

– Ну, если и не он, так кто-нибудь другой может непотушенную сигарету бросить! Пошли!

И они оба бросились на балкон.

– Да, Аленка, растворитель, – обнюхав почерневший цветок, уверенно заявил Любимов. – Предлагаю убрать эту лужу от греха. Да я помогу, не бойся! Тащи пару тряпок и таз с какой-нибудь обезжиривающей жидкостью. Даже посудное средство подойдет!

Когда изуродованные цветы были вырваны с корнем и уложены в полиэтиленовый пакет, Стасик, помогая Алене вытирать с балконного пола растворитель, вдруг на полуслове перестал трещать без умолку о том, как он однажды, когда еще жил в институтской общаге, тоже пролил олифу на казенную ковровую дорожку и что из этого вышло. Алена подняла на него глаза. Стасик, застыв с тряпкой в руках, во

все глаза смотрел на нее. Она осторожно перевела взгляд себе на грудь. Ее халатик без единой пуговицы, перевязанный одним лишь пояском, призывно распахнулся, и сослуживец имел удовольствие видеть ее практически всю в первоизданном виде. Алена поднялась во весь рост и, не запахивая халат, поскольку руки были грязными, сказала:

– Да... для тебя вот... разделась... Как договаривались... Бартер, в общем...

Именно в этот интимный момент с верхнего балкона раздалось:

– Очень прошу меня простить... у меня тут пролилось... но я сейчас спущусь с тряпкой и все уберу...

Любимов, с большой неохотой оторвав взгляд от соблазнительно розовеющего тела сотрудницы, перевел его наверх и проревел:

– Ага! Я тебе сейчас так спущусь!!! Так спущусь! Век не забудешь!

Он перевесился через перила и вывернул голову примерно таким же образом, как это обычно делала Алена, когда переругивалась с соседом. Она обрадовалась, что этот мерзавец наконец получит по заслугам. Ради этого счастливого момента можно даже повременить с интимными удовольствиями. Алена запахнула халатик и скрестила руки на груди, забыв, что они дурно пахнут растворителем. Ну, держись, недомерок! Бесстыжий губитель сортовых цветов!

Любимов же, вместо того чтобы погрозить кулаком или

хотя бы обозвать соседа сверху как-нибудь особенно забористо, вдруг неприлично разулыбался и закричал чуть ли не на весь Аленин двор:

– Петруха?! Ты, что ли?! Не может быть! Сколько лет, сколько зим!

– Стасяра! – раздалось сверху не менее радостно. – Вот так номер?! Ты что, здесь живешь?!

– Не-е-е... Я это... я в гости... – Любимов обернулся к Алене, руки которой тут же бессильно упали вдоль тела. – Понимаешь, Аленка... это ж Петруха Астахов! Мы с ним в институте учились! В одной группе! В той самой общаге вместе жили, где я олифу пролил! Ну... я тебе только что рассказывал... Мы с ним сто лет не виделись! Вот такой мужик!!! – И Стасик поднял вверх большой палец правой руки. Потом он опять вывернул шею и крикнул: – Слушай, Петька! А ну давай живо спускайся к нам! Мы тут с Аленкой...

– Только через мой труп он сюда спустится! – процедила Алена.

Любимов бросил на нее виноватый взгляд и опять крикнул вверх:

– То есть это... ты пока не спеши, пожалуй... Я сейчас к тебе сам поднимусь! Давай, Петруха, дверь открывай! Я мигом!

Потом Стасик еще более виновато посмотрел на Алену, сказал:

– Я это... вернусь минут через десять... Ну через двадцать

самое большое... Мы, понимаешь, не виделись с самого выпуска... – И бочком протиснулся мимо нее в комнату. Рукой с тряпкой он зацепил полу Алениного халатика, и молодая женщина оказалась перед ним почти совсем обнаженной, но Любимов этого даже не заметил. Он так и ушел с пахучей тряпкой в руках.

Когда за Стасиком смачно захлопнулась входная дверь, Алена промчалась в кухню, схватила со стола букет гладиолусов, который так и не успела поставить в вазу, и, вернувшись на балкон, со всего размаха выбросила его вниз. Туда же полетела и прозрачная коробка с нарядным тортом, а потом и шампанское. Люк уже давно был закрыт, а потому любимовское добро упало туда, куда надо, то есть прямо на асфальт. Конечно, бутылкой с шампанским можно было запросто размозжить голову какому-нибудь ни в чем не повинному случайному прохожему, но Алена, к стыду своему, ни о каких прохожих беспокоиться никак не могла. Закрыв балкон на шпингалет, она слышала, как кто-то по-черному ругался снизу, но старалась не заикливаться на этом, и правильно делала. Раз человек ругается, значит, жив. А шампанское что! Оно запросто отстирается. Алена сколько раз в Новый год проливала его себе на наряды, а потом отстирывала.

Она прикрыла форточку в комнате, потом на кухне, потом закрыла входную дверь на оба замка, отключила дверной звонок, мобильник, выдернула шнур телефона и... достала курицу из духовки. Она наложила себе полную тарелку жа-

реной картошки, сверху водрузила истекающий пряным соусом кусок курицы, рядом расположила живописную кучку кальмарового салата, посыпала все это великолепие мелко нарезанной зеленью и принялась за еду. Некоторые на нервной почве не могут есть. Алена могла и всегда ела. Много. Только корм был не в коня. Поправиться она так и не могла. Видимо, калории сжигались бушующим внутри нее пламенем обиды или злости.

Ну ничего!!! Этот гад Любимов еще обо всем пожалеет! Черта с два Алена теперь станет прикрывать Стасика перед шефом, когда он проспит на работу! И в новой программе ни за что не поможет разобраться! Этот Стасяра еще повертится на своем крутящемся стуле перед компом, как уж на сковородке! Вот уж она посмеется так посмеется! И не далее чем завтра! А уж на интим с ним Алена (как сейчас говорит молодняк) забьет такой болт, что ничем не вытащишь! Прощай, Стасик Любимов! Как же ты пожалеешь, что так неосмотрительно сбежал от нее к этому недомерку!

Алена очень удивилась мгновенно опустевшей тарелке, немного над этим поразмыслила, потом положила себе еще один кусок курицы с очередной порцией жареной картошки, но уже без салата, быстренько съела все это, бросила грязную посуду в мойку и пошла в комнату. Она вывернула на пол весь ящичек с лекарствами и все-таки нашла среди них яркий тубус с быстрорастворимым шипучим снотворным, которые оставила мать, когда приезжала погостить. Так...

Сколько выпить, чтобы сразу отключиться? Может быть, пару таблеток? Точно! Выпьет парочку... С двух не умрет, зато не придется томиться воспоминаниями о погибших цветах и оскорбительном поведении Стасика Любимова.

– Ну, будь ты человеком, прости, прости, – канючил на следующий день Любимов, отираясь возле Алениного компьютера.

Она угрюмо молчала, яростно щелкая мышкой.

– Я тебе и звонил в дверь, и стучал, и все без толку! – продолжил Стасик через пять минут, опять подкатившись к ней на своем стуле. – Я ведь вернулся, как обещал, через двадцать минут, ну от силы... через тридцать... Клянусь, Ален...

– Отвали... – процедила она.

– Ну почему сразу отвали? Между прочим, Астахов вовсе не так к тебе плохо относится, как ты думаешь...

Алена оторвала тяжелый взгляд от экрана, перевела его на Стасика, который под ним как-то мгновенно съежился, невинно порозовев намечающимися залысынами, и сказала:

– Вот и катись к своему Астахову!

– Ален! Ну что за глупости! Я же традиционной ориентации, а Петруха – он просто мой старинный приятель! Мы все пять лет учебы в институте дружили с ним, в одной общаговской комнате тусовались! Можно сказать, ели из одной тарелки! В общем, что называется, однокашники! Настоящие!

– Значит, так! Слушай сюда, однокашник хренов! – убий-

ственным тоном призвала его Алена. – Чтобы духу твоего возле меня через минуту не было, ясно? И не вздумай со мной консультироваться насчет той программы, которую нам вчера установили! Шиш ты от меня чего услышишь, понял?!

Любимов тяжело вздохнул и ответил:

– Понял, не дурак... Только ты все напрасно... Право, зря... И халатик на тебе вчера был классный, и это... курица хорошо пахла... И торт я купил самый дорогой! И шампанское, между прочим, тоже! А уж о цветах я и не говорю!

– Проваливай, Стасяра! Думаю, не обеднеешь! – гневно бросила ему Алена и отвернулась к компьютеру.

Стасик еще раз вздохнул и «провалил».

Уже во время утреннего разговора со Стасярой Алена чувствовала ломоту во всем теле. Через час она заметила, что поминутно трет глаза, в которые будто кто-то сыпанул песку. Кроме того, ее жутко тянуло в сон. Она отнесла странности, происходящие с организмом, на счет передозировки мамино снотворного и изо всех сил старалась держаться огурцом. Кто ее заставлял пить две таблетки? Никто! Значит, нечего демонстрировать окружающим свое неприличное недомогание.

К концу рабочего дня Алена поняла, что самым вульгарным образом заболела. Во рту сделалось сухо и горько, из носа потекло, щеки разгорелись ярким пламенем, а плечи

между тем сотрясало от озноба. Хорошо, что была пятница. За выходные она постарается прийти в себя.

После работы Алена зашла в аптеку, купила аспирина с витамином С, средство от насморка и весь оставшийся путь до дома мечтала только о том, чтобы побыстрее лечь в постель и уснуть. Сегодня ей не понадобится снотворное. И как она умудрилась простудиться в такую жару? Хотя... неудивительно. Везде проветривают, кругом сквозняки. Вот она, Алена, сейчас ехала в автобусе, так в нем были открыты не только все окна, но и верхние аварийные люки. Простужайтесь, господа пассажиры! Болейте на здоровье! Не жалко!

На лестничной площадке совершенно измученная Алена поняла, что заснуть в ближайшее время вряд ли удастся. Откуда-то неслись громкая музыка и залиvistый женский смех. Алена прикинула, у кого из соседей могла быть тусовка, и решила, что звуки раздаются из квартиры снизу, где такую же однокомнатную квартиру, как у нее, снимают вскладчину две студентки. Наверняка празднуют благополучное окончание летней сессии. Конец экзаменов – это, конечно, дело святое, но у Алены так ломит виски...

Войдя в квартиру и еще раз хорошенечко прислушавшись, она поняла, что музыка, женский визг и громогласный мужской хохот доносятся не снизу, а сверху. От него... От мерзавца, недомерка и мозгляка! Да как к нему могут ходить в гости какие-то женщины, когда на него и смотреть-то противно: маленький, худосочный, чернявенький, вдобавок

вечно небритый и в отвратительной черной майке... Мальчишкообразный мужчина. Мужеподобный юноша... Фу-у-у... Что за чушь лезет в голову...

Алена прошла на кухню, налила в стакан воды из чайника и положила в рот таблетку аспирина. От взрыва хохота гостей соседа сверху таблетка встала у нее поперек горла. Алена закашлялась. Аспирин вылетел у нее изо рта и угодил обратно в сумку, из которой минуту назад был вынут. Нет! Это уже ни на что не похоже! Это же форменное издевательство! У нее температура, а они... Нашли тоже время! И какой-то ведь праздник откопали, когда у всей страны никакого праздника и в помине нет!

Алена сунулась в сумку за сгинувшей в ней таблеткой, но почему-то там ее так и не обнаружила. Пришлось выдавить из упаковки вторую таблетку прямо в рот. Она протянула руку к сушилке за чашкой и с гадливостью отдернула руку. По дверце сушилки ползли горячие слезы. Алена подняла голову вверх. На потолке опять расплылось отвратительное пятно, покрытое не менее отвратительными и вполне созревшими каплями. Время от времени капли без всякой последовательности срывались вниз и попадали аккуратно на дверцу чуть приоткрытой сушилки для посуды. Алене показалось, что температура у нее подскочила градусов до сорока. Она смачно выплюнула в мойку подтаявшую во рту кислую таблетку аспирина и бросилась из квартиры. К ее счастью, прямо против дверей остановился лифт, и Алене, которая тут

же шмыгнула в кабину, не пришлось бежать вверх по ступеням на слабеющих с каждой минутой ногах. То, что в лифте осталась авоська с продуктами соседки Антонины Прокофьевны, ее нисколько не смутило. Подумаешь, авоська... Тут жизнь летит ко всем чертям!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.